

В.М.Воронков,
Центр независимых социологических
исследований (Санкт-Петербург)

Приватизация этничности vs "национальная политика"

Цель моего выступления — предложить концепцию, которая дала бы возможность взглянуть на результаты множества исследований трансформационных процессов из новой перспективы. Я предлагаю рассматривать социальные процессы в (пост)советском обществе через призму изменений в конфигурациях публичной и приватной сфер¹.

---

¹ Подробные теоретические размышления на эту тему можно найти в работах: *Voronkov V.* Politische Biografien im privaten und oeffenthchen Diskurs // Hrsg. I.Miethe, S.Roth. Politische Biografien und sozialer Wandel. Giessen: Psychosozial-Verlag, 2000. S. 150-162; *Oswald I., Voronkov V.* Licht an, Licht aus! Oeffentlichkeit in der (post-) sowjetischen Gesellschaft // Sphaeren von Oeffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs / Hrsg. Rittensporn ил. Frankfurt a/M: Peter Lang, 2003. S. 37-61; Der Sieg des Informellen. Verschraenkung formeller und informeller Raumentwicklungsprozesse in St.Petersburg // Nachrichtenblatt zur Stadt- und Regionalsoziologie. 2002. Hs. 1. S. 134-148; *Zdravomyslova E., Voronkov V.* The Informal Public in Soviet Society: Double Morality at Work // Social Research. 2002. Vol. 1. P. 49-69.

Что касается разделения публичного и частного пространств, то я рассматриваю публичную сферу в рамках драматургического подхода в смысле Гофмана и Арьеза¹, т.е. как сферу социальности. Это оправдано тем, что выход в публичное пространство советского человека как человека частного сам по себе был невозможен. Кроме того, большие сомнения возникают по поводу существования полноценной частной сферы (в принятом смысле) в советском обществе в течение по крайней мере трех сталинских десятилетий.

Схема призвана проиллюстрировать изменение границ между частной и публичной сферами в процессе развития и разрушения советского общества. Первое, на что я хотел бы обратить внимание, — это быстрое сужение до минимума сферы частного и крайняя условность границы ее с публичной сферой в сталинский период.

Если обратиться к представлениям, вытекающим из анализа официальной публичной сферы, то имеются основания назвать Советский Союз страной победившего мультикультурализма (понятого в этническом смысле). Разделение общества по "национальным" признакам стало превалировать над всеми прочими, "национальность" получили даже территории. Пространство было административно иерархизировано в зависимости от степени "важности" (с точки зрения властей) населяющих страну "народов". Соответственно этому делению распределялись права, привилегии и ресурсы. Культурные различия признавались ценными сами по себе, так что естественным казался вывод о необходимости развития и защиты "слабых" культур, "малых народов", формирования политики льгот и позитивной дискриминации для отдельных групп в

¹ Суть подхода — публичная сфера рассматривается как совокупность общественных мест, где люди взаимодействуют по установленным правилам.

Дискуссия о различных подходах к понятиям "публичность"/"частность" изложена, например, в работе: *Weintraub J. The Theory and Politics of the Public/Private Distinction // Public and Private in Thought and Practice / Ed. J. Weintraub, K. Kumar. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1996. P. 1-41.*

населении страны. Разнообразие и различие прав в публичной сфере, поддержка разнообразия культурных практик в группах — признаки типичной модели колониализма¹. Этнические границы были одним из важнейших критериев формирования внутренней политики (интернационализм в этническом смысле, дружба народов и тл.).

Для советских граждан этничность не была делом самоидентификации или выбора, а жестко предписывалась государством и заносилась в документы. С 1938 г. никто не мог уклониться от судьбы, поскольку национальность родителей стала вноситься в свидетельство о рождении, на основании которого выдавался впоследствии паспорт. В то же время советская конституция утверждала равенство всех граждан независимо от "национальности".

Приватной сферы практически не существовало. Исчезло даже физическое пространство для приватной жизни. Люди в городах жили в коммунальных квартирах и постоянно находились под контролем. Доноса можно было опасаться от членов собственной семьи, поскольку государство распространило свое влияние практически на все стороны социализации молодого поколения. Разрыв преемственности между поколениями привел к быстрому разрушению в городах традиционных социальных сред (*milieu*) — религиозных, этнических, сословных. Этнические общинные институты были ликвидированы в 1930-е годы, был затруднен и практически разрушен механизм передачи "этнических" (религиозных и т.п.) практик в процессе социализации. Господствовал усредненный стиль жизни, всякая индивидуализация вызывала осуждение. Отсутствие отличий во всех сферах жизнедеятельности ("я такой же, как все") желательно было постоянно демонстрировать.

Подавляющее большинство граждан разделяли элитный дискурс "дружбы народов". Выражение нелояльности системе было крайне опасно. Так что откровенно обсуждать проблемы "реальной жизни" было негде и не с кем. Колонизация жизненного мира системой² проявляла себя в сталинское время почти как в идеальной модели. Разумеется, в повседневности существовала и ксенофобия, и этническая враждебность, но скорее как результат влияния дискурса прошлых элит и некоторых противоречий официального дискурса (например, "национальное равенство" наряду с "нелояльными нациями" или "старшим братом").

После смерти И.Сталина в обществе произошли качественные изменения. Во-первых, КПСС, осудив культ личности и жестокие репрессии сталинского периода, невольно создала прецедент критики

---

¹ *Rex J.* The Concept of Multicultural Society // *The Ethnicity Reader: Nationalism, Multiculturalism and Migration* / M.Guibernau, J.Rex. Cambridge, 1997. P. 208

² *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // *Теоретическая социология* / Под ред. С.Баньковской. М.: Книжный дом "Университет", 2002. Т. 2. С. 353-372.

режима. Во-вторых, ослабление репрессий снизило уровень страха, так что обсуждение "негативных сторон жизни" становилось постепенно делом обычным во всех слоях населения. В-третьих, в связи с начавшимся массовым строительством дешевого жилья в городах появилось физическое пространство для частной жизни. Люди переселялись из многосемейных коммуналок в отдельные квартиры

Российский политолог О.Вите первым обратил внимание на то, что в советском обществе последних десятилетий сфера, регулируемая неформальным правом обычая (точнее говоря, сложившаяся на наших глазах сфера внеправового регулирования, оформленного в виде негласных конвенций), стала доминировать над сферой, регулируемой писаным правом. В любом современном обществе существует подобное разделение правового пространства, однако характерное для СССР длительное доминирование права обычая привело к фундаментальным сдвигам в общественной жизни¹.

Деформация правового пространства компенсировалась "уравновешивающей" деформацией публичного пространства. Как правило, публично обсуждать можно было только то, что происходило в сфере, регулируемой писаным правом. А обсуждение того, что попадало под "право обычая", было табуировано. В официальной публичной сфере жизнь советских людей выглядела утопией, никак не согласующейся с повседневным опытом. Господство идеологических клише в публичности резко контрастировало с реальной жизнью.

Поскольку реальную жизнь, разительно отличавшуюся от официальных публичных представлений о ней, нельзя было обсуждать в официальной публичной сфере, а сама возможность обсуждения уже появилась, то в последние три десятилетия существования советского общества возникло коммуникативное пространство — назову его **приватно-публичной сферой**, — где и обсуждалось практически все. Такая неформальная публичная сфера "реальной жизни" была отделена от официальной ясно выраженной границей. Ее развитие явилось следствием окончания эпохи сталинизма.

Я уже упомянул, что в 1950-х годах в российских городах появляется физическое пространство для развития приватности — отдельные квартиры. Собственно, приватность по-прежнему не играла особой роли в жизни общества, однако теперь ее граница конструируется не по отношению к официальной публичной сфере, а отделяет ее от "другой" публичности. Типичный пример связи этих двух социальных пространств — так называемая "интеллигентская кухня", где концентрировались критические настроения, касающиеся режима, и зарождалось диссидентство.

Не следует думать, что приватно-публичная сфера — поле коммуникации представителей определенных социальных сред.

¹ *Вите О.* Избиратели — враги народа! (Размышления об адекватности электорального поведения и факторах, на ее уровень влияющих) // *Этика успеха.* 1996 № 9. С. 58-71.

Каждый советский гражданин, не исключая и представителей высшей власти, коммуницировал попеременно в обеих публичных сферах, хорошо понимал границу между ними и не путал принципиально различавшихся в этих сферах правил (в этом смысл "социальной шизофрении", которая в публицистике часто приписывается homo sovieticus).

В приватно-публичной сфере советский гражданин мог достаточно открыто выступать как частное лицо вне государства (и даже против него), формируя — пусть и в урезанном виде — публичность в смысле Арндт или Хабермаса. Но это была все же "другая публичность", поскольку официальные публичные площадки для нее были недоступны и официальные СМИ не отражали формирующихся в ней интересов. Как граждане, так и государство, заключившие между собой негласный договор, признавали границу между официальной и "приватной" публичностью.

В приватно-публичной сфере, в "реальной жизни" судьба гражданина была тесно связана с политикой государства, проводимой по отношению к тем или иным "национальностям". Выгоды и невыгоды назначенной государством национальности менялись в зависимости от территории, исторических пертурбаций и политического волюнтаризма. Дискриминация по этническому происхождению была распространена повсеместно и касалась важнейших сторон жизни — работы, образования, свободы передвижения. Интерес к этничности определялся господствующим в обществе расизмом (в его современном толковании). В сознании каждого советского человека все "национальности" были иерархизированы, поэтому, естественно, существовала и бытовая дискриминация, и ксенофобия.

Хотя система колонизирует жизненный мир человека, однако для советского общества это влияние было не столь однозначным именно из-за жесткого разделения двух публичных сфер. Наблюдаемые противоречия между представлениями официальной публичной и приватно-публичной сфер во многом объясняются наличием у советских людей своеобразного иммунитета, порожденного существованием упомянутой границы. Собственная этничность, предписанная государством, в большинстве случаев играла мало-значимую роль в повседневной жизни по крайней мере городских жителей. Этим же частично объясняется то, что культурные практики были преимущественно едины, сформировалась общая городская культура. Советская национальная политика оставила важный след в развитии общества. Хотя и нельзя категорически утверждать, что цель создания гомогенного "советского народа" была достигнута, однако, во всяком случае в городах, возник новый доминирующий тип человека, этнической идентичностью которого стала "советскость". Различия, если и существовали, то были связаны скорее не с принадлежностью к этнической группе, а с социальной средой, в которой происходила социализация.

Борьба интеллигенции в период перестройки за постоянное расширение тематики, которую можно было бы обсуждать в официальной публичной сфере, привела к свободе слова и исчезновению табуированных тем. Приватно-публичная сфера практически исчезла. Граница пала. Пространство коммуникации принимает постепенно привычный для западного исследователя вид. Повышение значимости приватной жизни одновременно привело к формированию более жесткой границы, отделяющей ее от публичной. Соответственно, стала более закрытой для обсуждения частная жизнь. Что изменилось за последнее десятилетие? Расизм проник в официальную публичную сферу, где ранее не мог существовать ни как тема обсуждения, ни как легитимная практика. Дискриминация по этническому признаку стала обосновываться законами на локальном уровне¹. Возник новый дискурс о миграции. Публичный дискурс об этничности потерял свою нейтральность. Средства массовой информации открыто заговорили на расистском языке, зачастую не отдавая себе в этом отчета. "Бытовой расизм", и ранее "неосознанно" поддерживаемый академическим и образовательным дискурсом, выплеснулся на страницы газет, а политический дискурс стал использоваться для обоснования дискриминационных действий, практикуемых государственными институтами. Исчез иммунитет против элитного дискурса об этничности, против внедрения расистских представлений ксенофобии в сознание российских граждан. Теперь распространение собственно этнических знаний становится все более опасным.

Можно отметить один противодействующий распространению этнической дискриминации акт — отмена записи о "национальности" в паспорте. Однако эффект от этого шага пока неясен. Государство могло бы быть последовательным и "забыть" вообще об этничности, сделав ее частным делом гражданина, "отделив ее от государства". Однако практика показывает, что графа "национальность" не только сохраняется во всевозможных анкетах, но и была, например, предложена к заполнению при переписи населения. Символически отреклись от "пережитка прошлого" (как и в случае с "пропиской"), но не отказались от привычных "полезных" практик. Государство по-прежнему занимается разработкой "национальной политики", которая даже в ее нормальном значении (нация как гражданство) в России очень сильно отдает этничностью. Пытаясь сформулировать объединяющую "национальную идею", власть продолжает мыслить в этнических категориях (символах), национальная идея разрабатывается как культурная, которая после снятия словесного флера оказывается "этнической" (не важно — русской или нерусской), так как апеллирует к категориям "культурная

¹ Яркое подтверждение этому тезису мы можем найти при анализе ряда законодательных "антимигрантских" актов в Москве и особенно в Краснодарском крае.

самобытность", "исконные традиции" и т.п. Современный расизм лежит в основе представлений как системы, так и жизненных миров людей в этой системе социализированных.

Такие же представления лежали и в основе тех процессов в приватно-публичной сфере позднего советского периода, которые обозначались как "национально-освободительное движение", "борьба за национальное самоопределение (автономию)", "национальное возрождение". Формирование организаций и движений под этническими лозунгами — оборотная сторона представлений, доставшихся нам в наследство от советского периода, и от которых не собираются отказываться сегодня.

Что нас ожидает? Хотя я полагаю, что не дело социологии заниматься прогнозированием, однако акцентирую внимание на двух тенденциях, которые могут во многом определить "будущее России".

Первая тенденция отчетливо прослеживается и имеет широкие перспективы. Она связана с дальнейшей проблематизацией этничности и попытками разрабатывать "этническую политику" в масштабах государства и его отдельных регионов (разумеется, с благой целью управлять так называемыми "межэтническими отношениями"). Таким образом, постоянно воспроизводимый элитой (к которой относятся и обслуживающие власть ученые) расистский дискурс влияет на жизненные миры всех граждан страны (система колонизирует жизненный мир). То, что и как сегодня проблематизируется теми, кто имеет "власть называть" (социологами в их числе), должно привести в ужас не только правозащитников, но и тех, например, кого заботит хотя бы целостность России.

Другая тенденция, которая сегодня связана с деэтатизацией, приватизацией этничности (ликвидация графы "национальность" в паспорте — ее симптом) должна, по моему мнению, в конце концов победить. Но это произойдет очень не скоро, тогда, когда государство пойдет в тупик в своих бесплодных занятиях "этнической политикой". Следует уяснить, что не существует проблемы особых этнических прав, а есть проблема прав человека. Претензии же некоторых "этнических" сообществ на признание особых коллективных прав должны наталкиваться на жесткую позицию государства: все равны перед законом. "Этнические" организации должны восприниматься наряду со всеми прочими ассоциациями граждан.

Что, собственно, должно измениться по мере преобладания второй тенденции? Этничность отделяется от государства, уходит в приватную сферу, перестает быть объектом внимания государственных институтов. В сферу компетенции так называемых "этнических общин" (их создание — приватное дело отдельных граждан) будут входить лишь вопросы, не подлежащие государственному регулированию, — семья, религия, традиционная культура, обычаи. В сферах экономики, политики, права государство следит за тем, чтобы все подчинялись единым законам, но может защищать и поддерживать

разнообразие жизненных практик вне публичной сферы, не вмешиваясь в регулирование внутренней жизни сообществ. Доминирует гражданская культура как таковая, когда все граждане подчиняются одним и тем же правилам и поддерживается равенство индивидуальных возможностей. Государство дает понять, что не намерено вмешиваться в общинную жизнь, но маркирует границы публичности, переходя которые, все должны подчиняться единым правилам.

Границы публичности постоянно меняются. У современного государства существует тенденция захватывать все новые фрагменты приватного пространства своих граждан. Оно берет на себя многие функции, которые были прежде присущи общинам (забота о детях и стариках, образование, жилье). Что происходит с людьми в этой ситуации? Ранее их принадлежность к этим общинным группам означала, что большая часть их жизненных функций удовлетворялась внутри общины. По мере передачи этих функций государству происходит трансферт идентичности. Раньше люди себя идентифицировали с общиной или с малой этнической группой, теперь же они все больше идентифицируют себя с государством, речь идет уже о гражданской идентичности.

Чем больше в публичной дискуссии мы говорим об этничности, о межнациональных отношениях, о национальной политике (в смысле политики в отношении "наций", "национальностей" и т.п.), тем глубже мы загоняем сконструированные когда-то проблемы в сознание общества. Тем реальнее печальные последствия доминирующего сегодня в России дискурса об этничности, на бытование которого решающее влияние оказывают представители эссенциалистских взглядов¹. Дискурс продолжает укрепляться под влиянием тех научных представлений, которые в свое время охотно были приняты властью. Сегодня это привело к тому, что при анализе чуть ли не любых социальных процессов в обществе исследователь привычно надевает "этнические очки".

От перспектив депроблематизации этничности, деконструкции этнических (культурных) границ будет зависеть стабильность общества. Я бы посмел утверждать, что стабильность будущего развития тесно связана с конструированием и распространением нового публичного дискурса об этничности. Успешность же такого проекта будет зависеть от "победного шествия" в социальной науке конструктивистской парадигмы в целом.

Разумеется, политический дискурс сильно отстает от академического. Те представления и язык, которые постепенно распростра-

---

¹ Эссенциалистские взгляды в данном случае требуют искать в этничности нечто "вещественное", неизменное, коренящееся в природе, биологии или культуре. Наиболее принципиальной критике традиционные академические представления в этой области были подвергнуты в кн.: Расизм в языке социальных наук / Под ред. В.Воронкова, О.Карпенко, А.Осипова. СПб.: Алетейя, 2002.

няются в академической среде (причем до доминирования им еще очень далеко!) не скоро войдут в язык политиков. Отчасти оттого что политическая элита далека от академической дискуссии, отчасти оттого что она заинтересована в сохранении сегодняшних представлений, а потому выбирает для "научного освещения" своей расистской политики соответствующих экспертов. Чтобы прервать связь с прошлым, следует во всей публичной сфере отказаться от порочного дискурса об этничности, заново переписать учебники, изменить сознание важнейших агентов социализации новых поколений. Как вы понимаете, это задача на десятилетия.